

ОТКРОВЕНИЕ | Общение с ней было праздником души для тысяч людей

ВЛАДИМИР КАГАНИС,
член Союза журналистов России

Страшно виноват перед Ниной Георгиевной Кондратовской. Мне, дураку, следовало сообщить, что о легендарном для меня, а для неё «известном мастере звучащего слова Владимире Яхонтове» она имела все основания рассказать больше, чем я.

Раскрою суть дела. В конце мая наша газета опубликовала материал «У танка доброе имя». Это мои впечатления о неподражаемом создателе «театра одного актёра» Владимире Николаевиче Яхонтове и краткий рассказ о его творческой вахте в Магнитке в годы войны. Чувствовал я себя чуть ли не самым лучшим архивариусом. А это неправильно. Часть моей фактуры в материале взята из его книги. А вот Нина Георгиевна — свидетель его магнитогорской эпопеи. В годы войны — и это особая гордость для коллектива «Магнитогорского металла» — баба Нина была ответственным секретарём редакции. Поэтому теперь пусть говорит она.

«Это было время фронтовых вахт, «гвардейских залпов» и социалистического соревнования за звание фронтовых бригад. Вспоминается патристический факт. В Магнитогорск приехал известный мастер «звучащего слова», лауреат всесоюзного конкурса чтецов Владимир Яхонтов. Он решил заработать своими выступлениями в Магнитогорске деньги на танк, боевую машину должны были сделать челябинцы на заводе имени Кирова. Это был прекрасный артист огромного обаяния, и его настоящему полюбили и поддерживали рабочие всех цехов, где он давал концерты. Перед началом своего рабочего дня Владимир Николаевич приходил к нам и заполнял собою, своим удивительным голосом, рассказом о впечатлениях от концертов всю редакцию. Отзывы доменщиков и других

За букву — на Колыму

рабочих, опубликованные в «Магнитогорском металле», вошли в его большую книгу «Театр одного актёра». 165 тысяч собрал Владимир Яхонтов в июле–августе 1944 года, а тринадцатого сентября мы сообщили читателям о том, что артист проводил свой танк «Владимир Маяковский», вручив боевому экипажу стихи поэта.

Наша дружба с артистом-патриотом была такой тесной, что в конце сентября он приехал на встречу с читателями «Магнитогорского металла» и после выборов общественной редакционной коллегии дал один из своих самых блестящих концертов.

Это выдержки из публика-

ции «Страницы памяти» Нины Георгиевны в нашей газете от 5 мая 1975 года. О её газетной публицистике с восторгом вспоминала директор нашей картинной галереи Валентина Семиног.

Свидетельствую: общение с ней было праздником души для тысяч людей. Многие из них оставили заметный штрих в истории, и её рассказы о них хранят не только пожелтевшие подшивки, но и людская память.

И встречалась, и общалась с моим отцом баба Нина нередко: оба лекторы, оба связаны с печатью и творческой интеллигенцией. Они варились в одном соку. Меня, честно

скажу, это мало интересовало — сам себе был молодой и умный. И баба Нина однажды огоршила вопросом:

— Я тебе не рассказывала, как твой отец спас меня?

Наверное, я вытаращил глаза: как это мой неизменно корректный, вежливый и не шибко могучий родитель мог выступать в роли спасателя. Бред какой-то. А баба Нина закурила неизменную «беломорину» и улыбочиво повела повествование. Всю его прелесть мне не передать, для этого нужно быть талантливым. Расскажу как сумею.

— Было это в войну. Ты сам знаешь: фронтовые бригады, «гвардейские залпы» металлургов... По своей обязанности ответственного секретаря в «Металле» дежурила я, как обычно, в типографии. Вычитали мы с корректорами очередной номер, подписала его в печать. А под утро меня подняли по тревоге: ошибка. Я глянула и обомлела: «Во втором мартовском бригаде сталеваров сдержала слово, выдала три тысячи тонн срали сверх плана для удара по фашистам»...

Тут следовало хотя бы усмехнуться, а я замер. Цену газетной ошибки, да еще такой: вместо «тонн стали» черт знает что, — я знал и по себе, и по отцу. У нас с ним было по строгачу с занесением в партийное дело. У отца в 47-м году в газетном заголовке вместо «Выступление иностранного генерала» почему-то получилось «иносранного».

У меня годы спустя вместо «обсуждая ма-

териалы XXVI съезда КПСС» отпечаталось «осуждая», да ещё крупным выделительным шрифтом. Но ошибка по недосмотру корректоров и бабы Нины в военные годы вела прямой дорогой на Колыму к её другу Борису Ручьёву.

А баба Нина продолжала: — Я к твоему отцу в горком партии. Он не медлил. «Цензор тираж не видел?» — «Нет» — «Бегом собирай всю свою бригаду. Печатни-

ки шилом пусть прокалывают эту «р», да ни одну страницу не пропускают. Корректора пусть подготовят распечатку полосы и якобы внесут исправление. А цензуру я сейчас приглашу на совещание. Звони». И всё обошлось, как сказал Абрам Исакович.

И полуспросила: — Давно, небось, на могилке у папы не был. Поезжай, поклонись за меня.

Мы помолчали. Потом я рассказал о наших семейных ошибках и «строгачах», о том, как уходя с заседания бюро горкома, отец заявил: мол, товарищи, опечатка опечатке рознь, выступление-таки — инос(т)ранного генерала. Он был прав: с таких выступлений начиналась холодная война. Члены бюро хихикали, мы с бабой Ниной спустя годы смеялись.

И было над чем. Вспомнила она ещё об одной печатной каверзе. Из дома отдыха «Якты-Куль» на Банном железнодорожники комбината прислали письмо-жалобу: на ужин их с завидным постоянством закармливают манным пудингом, так нельзя ли как-нибудь поразнообразнее? При наборе в названии блюда «пудинг» вместо буквы «п» легла «м». Газета вышла с ошибкой. Сталевары не замедлили воспользоваться этим, звонили в редакцию и «наивно» интересовались у бабы Нины:

чего это железнодорожники капризничают, ведь кормят их как на убой?

Лично мне сразу и всегда было легко с бабой Ниной: общность восприятия жизни — не знаю, как сказать точнее. Дело в том, что она поэт. Это само собой. А для меня это — в первую очередь. Человек моего журналистского братства. Её дочь в шестидесятые–восьмидесятые была предметом моей недостижимой зависти: её материалы были точными по фактам, бойцовскими и — прогнозными. После наших вонючедемократических девятых–двадцатых годов она из «престижных» редакций ушла учителем в школу. Сказались дворняжские бабки и прабабки Кондратовских — они тоже были учителями. Её старший сын — Юрий Борисович Балабанов. Мы с ним ссорились: он человек воинствующий и по материалам, и по жизни. В последнее время — не знаю, почему — нам стало не хватать друг друга. Мне — его газетных материалов, ему — моей придирчивости. Он спрашивал о принсенных материалах: «Ты смотрел?» Я отвечал: «Как баба Нина».

Теперь журналистскую вахту несут внучки бабы Нины. Вот почему Нина Георгиевна для меня в первую очередь журналист. Но это — для меня. Глубоко и широко талантливая, она стала большим поэтом. Её именно так и воспринимают. Но разве мало поэтов? По жизни и основной профессии своей Нина Георгиевна Кондраковская есть учитель в лучшем значении этого понятия. А в условиях жестокого и противоречивого XX века это значило быть подвижником.

У нас в посёлке Западном застраивается улица её имени. В детскую библиотеку её имени приходят за книгой юные читатели. Если им скажешь, что бабе Нине сто лет, они не поверят: вот её фотография, вот её книги...

Здравствуйте, Нина Георгиевна ☺

БЫЛОЕ | Что год, то шквал, то трудный перевал

НИНА КОНДРАТОВСКАЯ

Век двадцатый в Вечность мчится.
Чем он славен? Как он прожит?
От забвенья излечиться
Нам история поможет.

Смутен путь моей эпохи!
Тюрьмы, нищенство,
Отсталость,
Людам — прах, да крах, да крохи,
Как наследие, достались.

Под оркестры глотки драли,
Спины нули, водку дули.
В бездорожье к светлой дали
Вспять подводу повернули.

А уж сколько лили крови —
Не измерить, не запомнить —
Берега в Аральском море
Можно заново заполнить.

БАМ, реакторы, каналы —
Все «давай-давай», хоть тресни.
И листаешь — не анналы,
А историю болезни.

Чуть повеял вольный ветер
И заглох в крови и блуде,
Плачут матери и дети.
Что ж вы делаете, люди?!.

Восьмой десяток!
Посудите сами:
Что год, то шквал, то трудный
перевал,

А записная книжка с адресами
Уже почти сплошной мемориал.

Не сосчитать по сверстникам
поминок.
Вот-вот и мой близости черед,
Но пустоглазая косою машет

И от земли меня не отдерёт.

Не закрывайте память на засов,
Свою судьбу с эпохой соразмерьте.
Предав забвенью дедов и отцов,
Вы у себя отнимете бессмертье.

Мы так долго привыкали
Скрудно жить и мало спать

И мечту о светлой дали
Тёмным пеплом засыпать.

Трамбовать плотнее, туже
Небо, землю, даль и высь,
Загазованные души,
Замурованную мысль.

А теперь киркой да ломом
В паутине суеты
Как расколем? Как проломим
Долголетние пласты?

Знает Бог.
А мы — не знаем,
Век радея об одном,

Чтобы стал необитаем
Человек в себе самом...

Безбрежность жизни постигайте
И кратковременность свою,
И крайний час отодвигайте,
Как поражение в бою,
И до конца в него не верьте;
Эпоху двигая вперёд,
Мы не мечтание, а бессмертье
Передаём из рода в род.

В землю душу грешную втопчу,
А ведь это — глупо и нелепо:
Как ни опрокидывай свечу,
Пламя снова будет рваться в небо.

Кто рождён с талантом и для таланта, тот обретает в нём своё лучшее существование. Иоганн Гёте